

К Галине Волчек я шел, заручившись протекцией ее сына Дениса Евстигнеева. Точнее, не шел, а ехал - с некоторых пор Галина Борисовна сменила городскую квартиру на дачу в подмосковной Жуковке...

- Эта дача вам положена как депутату Государственной думы?
- Господь с вами! К сожалению, эта дача мне положена как крепко нездоровому человеку. Поскольку своей дачи у меня нет, я и живу здесь уже два с лишним года. Но вы поправьте фразу: правильнее говорить о том, что дача мне не положена, а любезно предоставлена.
- Значит, на загородной жизни врачи настаивают, а по поводу вашего неумеренного курения помалкивают?
- С этим медики безрезультатно пытаются бороться много лет. Кстати, эволюция моей жизни прослеживается именно в сигаретах. Сначала я курила «Дукат» - дешево и сердито, потому что без фильтра. Потом стала жить получше и перешла на «Новость». Затем появились почти заграничные сигареты «Союз - Аполлон». С перестройкой переклочилась на «Мальборо». После настал черед слабого «Мальборо». Теперь курю то, что никто не курит. «Слим Лайн» называется. Но - курю. Для меня это своеобразная разрядка. Одни выпивают, другие спортом занимаются, а я тянусь за сигаретами.

- Вроде бы вы когда-то сказали, что готовы бросить курить ради мужчины, но - досада! - достойный подобной жертвы вам не встретился.

- Не могла я сказать ничего похожего. Нет такого мужчины и быть не может. Если уж даже болезнь не остановила меня на пограничной полосе...

- Как вы себя сейчас чувствуете?

- По-разному. Я стараюсь не думать на эту тему, по возможности не обращаю внимания на здоровье.

- Кто ваши соседи по даче?

- Понимаю ваш интерес, но должна разочаровать: не депутаты и не министры...

Меня вполне устраивает этот домик. Во-первых, я обычно поздно возвращаюсь, а здесь какая-никакая, но охрана. Во-вторых, благодаря даче моя модель жизни очень изменилась. Из Жуковки в Москву так запросто и не выберешься. По-моему, это благотворно влияет на психику, я стала спокойнее, сдержаннее. Лучше по лесу погулять, чем в пробках на дороге стоять.

- Вы сами за рулем?

- Тридцать лет водила машину, а последние два года езжу с шофером. На болезнь наложились еще и то, что у меня угнали «девятку». Это очень сильно повлияло психологически. Это было так оскорбительно! Не в том дело, что мне жалко машину, хотя, конечно, жалко - она далась мне достаточно не просто, это было первое в моей жизни более или менее приличное авто. Но, повторяю, оскорбилась я не из-за пропавшей железки, а в первую очередь из-за самого факта воровства.

- Вы пытались искать свой «жигуль»?



Галина ВОЛЧЕК:

Нет такого мужчины, ради которого можно бросить курить

Комс. правба - 1997 - 7 февр. - с. 12 - 13

столom час-два, но это случается так редко... У меня, если заметили, даже видео нет - некогда смотреть.

- Вы сказали «видео», а я подумал о кино: есть ли среди ваших ролей такая, которая добавила бы вам чувства гордости?

- Нет, конечно.

- А хотя бы как приятное воспоминание?

- Это - да. Замечательно работало с Козинцевым, Рязановым, Данелией. Помню встречи с Черкасовым, Толубеевым, с Яреветом в «Короле Лире». Но все это не имеет отношения к сыгранному мною ролям.

- Есть ли люди, которых вы вычеркнули для себя?

- Да, их немного, но они есть. Я не злюсь на них, они просто перестали для меня существовать.

- Уход из театра - это, по-вашему, предательство?

- Конечно. Но были случаи, когда я оправдывала артистов. Например, очень мною любимый Костя Райкин прямо объяснил, почему хочет уйти. Мне было горько, но как режиссер я поняла Костю: человек хочет создать собственный авторский театр.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

Когда люди гнались за синей птицей, имея эту самую птицу в «Современнике», я отказывалась принять такой подход. К слову, очень многие из ушедших позднее жалели о сделанном.

- Вы взяли кого-нибудь обратно?

- Нет. Но не из зловредства. Поезд ушел.

- А по какой причине вы хотели уйти из «Современника»?

- За все сорок лет это было единственный раз. Я могла стерпеть все - удары критики, издевательства членов всевозможных художеств, но не подлости от близких, от людей, с которыми работала. Наш ведь театр особенный, я ведь выросла вместе с теми, кем мне потом пришлось руководить. Очень долго я как бы извинялась перед ними за то, что стала на ступеньку выше. Этот подсознательный момент действовал очень долго, он и сейчас.

- Раз в неделю. Чаше не получается - ни с гостями, ни со временем на стряпню. Правда, у меня есть женщина, которая помогает по хозяйству, а заодно и живет здесь. Я стала бояться одна оставаться по ночам. Как-то неприятно.

- Наверное, дело не в одиночестве, а в мыслях, им навешиваемых?

- Дурные мысли появляются, если им дать волю. А у меня и на это времени нет. Бывает, конечно, что неподвижно сижу за этим

уходе из театра. Это было очень давно.

- И с той поры вы ни разу более не думали о разрыве с «Современником»?

- Случались очень горькие состояния, когда я хваталась за голову и говорила: «Все к черту! Больше не могу!». Плакала, даже рыдала, а потом... брала себя в руки.

- Как слезы главного режиссера действовали на окружающих?

- А никто не видел моих слез. Единственный раз я публично дала себе слабину во время последних американских гастролей. Я волновалась, как примет нас публика - все-таки «Три сестры» и Бродвей. Мне сказали, все будет зависеть оттого, что напишет «Нью-Йорк таймс». И когда через пару дней после первого спектакля мне принесли положительную рецензию, нервы слали, и я разревелась при всех. Мне почему-то вдруг вспомнились все несправедливости, обиды, которые за годы руководства театром. А сколько раз мне приходилось быть актерам то мамой, то мачехой, то адвокатом, то прокурором...

- Интересно, а когда вы стали для актеров, с которыми вместе начинали, Галиной Борисовной? Все же негоже обращаться к главному по имени.

- Это еще один из тех моментов, которые я тяжело пережила. Мне было трудно, когда из «Современника» уходили Олег Табаков, Евгений Евстигнеев, когда Олег Ефремов перзвел меня с актерской ставки на режиссерскую. Потом столь же сложное состояние я испытала, когда труппа обязала меня стать главным режиссером. После ухода Ефремова мы ведь два года коллегией руководили театром. Тула входили Олег Табаков, Игорь Кваша, Евгений Евстигнеев, Лилия Толмачева. Походило это на известную басню, поэтому в 72-м году мы пришли к выводу о необходимости единоначалия. Выбрали меня.

- Тогда у вас и появилось отчество?

- Нет. Галиной Борисовной меня стали называть с годами, когда в театр начала приходить молодежь.

- А в детстве вас как дразнили?

- Никак. Я маленькая была какая-то такая...

- Какая?

- Если я сейчас увидела бы себя тогдашнюю, то та девчонка мне активно не понравилась бы. Я была очень задвинута своей мамой, которая, к примеру, очень гордилась тем, что мне не нужно два раза повторять одно и то же.

ПЯТНИЧНЫЕ БЕСЕДЫ АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

постоянная тревога, желание зашить...

- Вам никогда не приходила в голову мысль сделать совместную с Денисом постановку?

- Не приходила. Во-первых, сын - кинорежиссер, хотя, не сомневаюсь, у него и в театре получилось бы. Однако есть во-вторых: я стараюсь не нагружать «Современник» своими родственниками. Единственное исключение - отец Дениса, но Женя пришел в театр еще до нашей свадьбы.

- Ваш сын рассказывал мне, как компании собирались раньше у вас дома.

- Это отдельная история! К нам любил приходить гости. Друзей не бывает много, но с Володией Высоцким, Андреем Вайдой, Же-

Для кого-то из старичков я по-прежнему Галя, к которой можно обратиться на «ты». Знаю еще, что иногда актеры между собой зовут меня ГБ или Волчихой. Это нормально.

лился, покраснел, стал нервничать, глотать валидол.

- Когда вы расстались с мужем, Денис принял вашу сторону?

- Сын все прекрасно понимал. Я с ним всегда была откровенна, он знал обо мне все, даже то, что детям знать не полагается. Я говорила с Денисом о своих отношениях со вторым мужем, с другими мужчинами.

- Денис давал советы?

- Давал, но даже не в том деле. Просто он находился в курсе всего происходящего со мной. Ближе Дениса у меня никогда человека не было и нет.

- Я вообще сумасшедшая мать.

- Куриша-наседка?

- У меня гипертрофированное материнское чувство. Какая-то

ней Евтушенко и многими другими у нас были прекрасные отношения. Но, кстати, среди самых близких мне людей не одни знаменитости. Например, моя первая поездка в Америку в 78-м году. Я ставила спектакли в Нью-Йорке и Миннеаполисе. В переводе все досталось симпатичная девушка из студии МХАТа. В результате мы с Ирой очень сдружились, много раз вместе ездили на гастроли - и в Ирландию, и в Штаты...

- Как тогда, в конце 70-х, вас могли выпустить в США?

- Об этом потом много рассказывалось. Видно, Богу было угодно, чтобы так случилось. Группа американских театральных деятелей, отсмотрев около сорока спектаклей в Москве и других городах, побывала и на «Эшелоне» в «Современнике». В антракте между актами мне вдруг и предложили приехать в Хьюстон поработать. Предложение это прозвучало прямо посреди женского туалета, поэтому я не могла не отнестись к нему как к шутке. Оказалось, нет, всерьез.

- Наверное, потом решение о вашей поездке принималось на бюро райкома КПСС?

- Я никогда не состояла в партии, но без проверок на самом высоком уровне, конечно, не обошлось.

Доходило до анекдотов. Мне сказали, что я должна соответствовать высокой роли посланца великой страны и поэтому, к примеру, обязана иметь дорогую шубу. А у меня тогда вообще никакой не было.

- По такому случаю вам выписали зинную сумку?

- Как же! Мне посоветовали одолжить шубу у Зыкиной.

- Вы воспользовались советом?

- Нет, конечно. Я знала Людмилу Георгиевну, но в чужой вещи никогда бы никуда не поехала. Моя подруга, которая была замужем за чешским послом в Финляндии, купила мне норковую шубу, за которую я потом лет пять рассчитывалась. Зато когда я приехала в Америку, об этой шубе написали все американские газеты.

- Получается, коммунистам вы

обязаны шикарной вещью из гардероба?

- Коммунистам - едва ли. Если я чем-то им и обязана, так это знакомством с некоторыми неплохими людьми. Например, с Сергеем Купреевым, бывшим секретарем Бауманского райкома партии. Замечательный был человек!

- Вы удержались от того, чтобы вступить тогда в КПСС, как же вас удержало сегодня податься в депутаты?

- Начнем с того, что никакой материальной выгоды от этого я не получила и не собиралась получать.

Все случилось в два дня. Я шла к Черномырдину, чтобы отказаться от предложения, но Виктор Степанович нашел слова, заставившие меня согласиться.

- Красноречивый у нас премьер.

- А вы смогли бы промолчать, когда спрашивают, безразлично ли вам, зальют всю страну кровью или нет?

- «Современник» тем и славился, что, подобно Таганке, прежде не соотносил себя ни с какой властью. Времена, видно, окончательно изменились.

- Да, сегодня все иначе. К нашему театру впервые стали относиться как к социально значимому явлению, но мы не превратились в рупор официоза, нет.

Я не скрываю, что готова всячески поддерживать нынешнюю власть. А что мне скрывать? Я слишком много говна наелась в прежние годы. Или прикажете забыть, как мы по пятнадцать раз сдавали спектакли всяким комиссиям? Мы жили с кляпом во рту, сегодня дают говорить, и уже за это надо быть благодарным.

- В своей жизни вы имели проблемы из-за национальности?

- Наверное, что-то было, но в глаза мне никогда ничего не говорили.

- Известен случай, когда театр не поехал на гастроли из-за того, что не дали выездные визы Гафту и Кваше. Тогда разве не еврейский вопрос стоял?

- Нет, помешал другой идиотизм. На Валю написали один донос, на Игоря - другой: о том, что он в Париже встретился с Виктором Некрасовым. Я прошила за артистов, а мне говорили: «Недавно на вашем месте сидел Григорович и ручался за Годунова, а тот остался. У нас есть информация, что и Гафт не вернется в Москву»... Такая тогда была аргументация. Я когда-то и за Славу Зайцева ходатайствовала - он должен поехать со мной художником ставить в Германии «Вишневый сад». Как это забыть? Я в сегодняшнем времени плохие стороны вижу, но все равно не надо заставлять меня сравнивать то, что есть, с тем, что было.

- Не хочется, Галина Борисовна, заканчивать разговор на тошнотной политической ноте, хотя... Заметил, у вас зажигалка от «Нашего дома - Россия». А говорили, ничего от депутатства не получили.

- Действительно, это был подарок.

- Неужели от Виктора Степановича?

- Ни в коем случае. Премьер не курит. Это исполком НДР презентовал.

Так можете и написать: депутат Волчек берет зажигалками...



С Мариной Нееловой в Париже.

вид, что ему нужно убить сознание.

- Ваше?

- Нет, свое. Для этого убийства ему понадобилось выпить.

- Помогло?

- Во всяком случае выпил он немало...

После этого я оставила всякие надежды, поняла, что этот